Открой глаза, Фемида!

Автор:
Екатерина Островская

Открой глаза, Фемида!

Екатерина Николаевна Островская

Татьяна Устинова рекомендует

Четверть века назад погиб отец судьи Владимира Высокова, но виновный в его гибели вор в законе Каро Седой не понес за это наказания. И вот теперь именно Владимиру предстоит вынести решение по делу Седого, которого обвиняют в целом ряде преступлений. Никто не сомневается, что приговор будет суровым, но преступникам удается найти рычаг давления на судью – была похищена его невеста. Чтобы найти ее, Высоков обращается в детективное агентство Веры Бережной, но это не избавляет его от необходимости сделать выбор. Что для него дороже – закон и справедливость или жизнь любимой?

Екатерина Островская

Открой глаза, Фемида!

© Островская Е., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Предисловие

У жизни своя, неподвластная большинству людей математика: как бы она ни складывалась, получается не сложение, а сплошные потери. Оттого, наверное, многие сводят счеты с жизнью. У Владимира Васильевича Высокова потерь особых не было, если не считать того, что в возрасте десяти лет он лишился отца, о чем вспоминать не любил, зато потом были сплошные приобретения. Но это тоже всего лишь фигура речи, ведь просто так ничего не дается – всего надо добиваться, все приходится завоевывать. Окончил школу с золотой медалью – добился, стал чемпионом города по биатлону среди школьников – завоевал. Был призером страны среди юниоров. Правда, потом со спортом все сложилось не очень хорошо – Володя начал быстро расти, что само по себе и неплохо. Но он вымахал за полтора года почти на двадцать сантиметров, а сердце почему-то не успевало за такими изменениями организма. Он стал задыхаться уже на первой половине дистанции, а на огневых рубежах сердце стучало так, что винтовка прыгала в руках. Да и на спусках ему трудно было устоять, его выносило в сторону – в рыхлый снег или в рекламный щит, на котором какая-нибудь красотка в бикини рекомендовала всем отдыхать на пляжах Турции.

Про спорт пришлось забыть, зато к окончанию школы Высоков полностью оправдывал свою фамилию – рост его перевалил за метр девяносто. Мама тихо радовалась и часто повторяла, глядя на сына: «Пожалуй, ты будешь выше папы». Отец Володи был народным судьей и, несмотря на свое звание, добрым и необидчивым человеком. Друзья называли его Васей, разумеется, и обращались к нему шутливо: Вася Высочество. Например, Вася Высочество, а не соблаговолите ли пойти сегодня с нашей компанией на футбол? Больше футбола отец Володи любил только сына и жену. А потом его убили: застрелили дома – в квартире, где они жили дружной семьей. Однажды Володя вернулся из школы, а на площадке и в квартире было полно полицейских. Потом примчался папин друг Колодин и забрал сына друга к себе на пару дней.

Это была первая и самая большая потеря в жизни Владимира Васильевича. Были, конечно, и неудачи, но особых огорчений они не приносили – скорее разочарования. На предпоследнем курсе он собрался было жениться на сокурснице Варе Коробейник. Она жила в студенческом общежитии, и Володя несколько раз оставался у нее ночевать. В одну из таких ночей он сделал ей предложение, и утром Варя приняла его. В выходные они отправились знакомиться с Еленой Александровной – мамой Володи. Мама была очень любезна, но потом посоветовала Володе подумать хорошенько: ей не

понравилось, что будущая невестка курит и громко смеется. Не то что мама плохого не посоветует, но Высоков передумал жениться. Передумал внезапно: зашел к Варе в общежитие, толкнул дверь комнаты, в которой проживала его будущая жена, и обнаружил ее в постели с Гурамовым. Увидев жениха, она даже не вскрикнула от ужаса ситуации, а, посмотрев в его глаза, переполненные гневом, объяснила: «Ну, ты же не пришел вчера, а я грустила». Она потом вернулась в родной город, а Гурамов никуда не уехал: он стал майором полиции и даже дослужился до заместителя начальника районного отдела по уголовному розыску. Потом его уволили по служебному несоответствию.

Конечно, у Высокова были после другие девушки и женщины, но не настолько много, чтобы считать себя сердцеедом. Последние полтора года он встречался с мировым судьей Алисой Никифоровой – разведенной и любящей поговорить в постели. Обычно она рассказывала истории из жизни своих подруг, по большей части неизвестных Владимиру. И каждое повествование заканчивалось одной и той же странной для судьи фразой: «Я ее не осуждаю, конечно».

Высоков понимал, что Алису он не любит, но других женщин не знал, а потому приходил к ней с цветами и подарками. Но чаще она приезжала к нему, потому что Высоков жил один в старом доме с толстыми стенами и можно было, не таясь никого, рассказывать ночью разные истории с интимными подробностями. И хотя истории были разные, Владимира Васильевича, если честно, они уже достали.

А вообще любовь в жизни Владимира Васильевича была – еще в школе. Но школьная любовь, как все знают, всегда проходит.

Глава первая

Высоков вышел из здания городского суда. Над парком Авиаторов светило солнце, проплывали облака и птицы. Владимир Васильевич хотел уже двинуться к своему автомобилю, но тут к нему подскочил бывший сокурсник Словоерсов.

– Привет, сигареткой не угостишь? – начал он и вспомнил: – А-а, ведь ты не куришь… Ну, тогда ладно…

Он хотел отойти, но что-то удержало его.

– Борьку Лифшица помнишь? – поинтересовался Словоерсов. – Маленький такой был. А сейчас…

– Неужели подрос? – пошутил Высоков.

– Нет, конечно, хотя пузо наел приличное. Он уже восемь лет живет в Штатах. Работает по специальности… Говорит, что поднялся хорошо. Лифшиц мне позвонил вчера по старой памяти, пригласил в субботу в кабак. Может, вместе сходим?

– Так я с ним не дружил.

– А я разве дружил? С ним, по-моему, никто…

– Не знаю, смогу ли, – начал сомневаться Владимир Васильевич.

– А чего знать? – наседал бывший сокурсник. – Бери с собой Никифорову, она какую-нибудь подружку прихватит… Или ты боишься, что тебя – судью – увидят в обществе адвоката и невесть что подумают? Так у тебя в производстве нет моих дел, к тому же мы университетские друзья.

Друзьями они никогда не были, но Высоков спорить не стал.

– С чего ты взял, что у меня с Никифоровой что-то есть?

– Ой, ой! – изобразил смущение Словоерсов. – Да все знают. Она же была на два курса младше нас и на тебя уже тогда заглядывалась. Потом это ведь она жила в общаге в комнате вместе с Коробейник, а после замуж выскочила и освободила жизненное пространство.

Словоерсов, судя по всему, знал все. Вероятно, и про Гурамова тоже.

– Послушай, Дима, – начал оправдываться Владимир Васильевич, – про Никифорову – это сильное преувеличение. А что касается ресторана, то я подумаю.

– А чего думать? Ресторан «Строганофф» на Невском. К семи вечера и подходи.

Субботний вечер Высоков собирался провести как раз с Алисой, но накануне та позвонила сама и сказала, что у дочки день рождения и вместо того, чтобы отправиться к бабушке, дочь будет отмечать дома. Бабушка, само собой, притащится праздновать и останется ночевать.

– Так что извини, милый, – закончила свой доклад мировой судья Никифорова, – вот такая у меня мама!

– Я ее не осуждаю, – пошутил судья Высоков.

И теперь понял, что отправится в ресторан «Строганофф».

Глава вторая

В зале играла музыка. Столики были застелены скатертями, на них стояли подсвечники со свечами. Те, правда, не горели, но все равно все выглядело очень пристойно. Высоков отыскал глазами стол, за которым сидели Дима Словоерсов и невысокий лысеющий человек, в котором трудно было узнать Борю Лифшица: в годы обучения Боря был кудряв и у него на подбородке красовалась растительность, мало похожая на бороду. Теперь он был гладко выбрит и одет в черный смокинг с галстуком-бабочкой.

Владимир Васильевич подошел к ним и поздоровался. Лифшиц поднялся со своего стула, но ростом выше не стал. Он посмотрел на бывшего сокурсника снизу вверх и удивился:

– Ты что, до сих пор растешь?

Незаметно опустился на стул и тут же продолжил разговор, который они вели:

– Короче, открыл я свою контору. На Брайтоне, разумеется. Маленький офис – одна тесная комнатка, рядом с моим столом, в шаге – вход в туалет. Никакой

секретарши, разумеется, – платить-то ей нечем. Вывеску повесил «Борис Лифшиц. Разводы, раздел имущества, наследственные дела». Клиентов не было, а если кто и приходил, то с порога предупреждал: «Я – человек бедный, у меня даже страховки нет». Потом часть вывески у меня упала и раскололась. Осталась только часть: «…наследственные дела». Коротенькая, как вы понимаете. Я взял и приписал «в России». И ровно через два дня ко мне пришла старушенция – семьдесят восемь лет. Долго мне рассказывала, как трудно жить – мол, у нее много болезней, а недавно умер муж, которому было восемьдесят восемь и он до последнего дня работал… А теперь она и сама скоро. Короче: наследников у нее нет, разве что в России – троюродная племянница, которой тоже лет семьдесят и живет она в Ленинграде. Клиентка попросила составить завещание в пользу племянницы, пожелав оставить ей свою квартиру, ювелирную лавку, банковский счет, автомобиль «додж» и украшения… Всего, по ее подсчетам, наследство составляло около десяти миллионов долларов. Заработал я на оформлении ее наследства совсем немного. И вдруг старушенция умирает.

Лифшиц откинулся на спинку стула.

– Я узнал об этом чисто случайно. И сразу стал действовать согласно условиям нашего контракта. Начал искать ее племянницу, указанную как проживающую в Санкт-Петербурге Мара Давидовна Меергольц. Таких в нашем славном городе не оказалось. Слава богу, я обратился в одно разыскное агентство, которое выполнило всю работу.

– Агентство «ВЕРА», – уточнил Словоерсов.

– Ну да, – подтвердил Лифшиц, – именно его мне рекомендовали как надежное. Нашли они эту племянницу, сейчас ей шестьдесят два и зовут ее Иванова Мирослава Давыдовна, урожденная Маргелова. Моя американская клиентка все перепутала, но родство было подтверждено документально… Я связываюсь с родной дочерью ее сестры, той самой Мирославой Давыдовной, объясняю ей все. Говорю, прилететь не могу, мол, пандемия. Я, конечно, могу деньги вам отправить, имущество продать и еще немного отправить, но учтите, это процедура долгая, и вы должны сами вступить в права наследования на территории Соединенных Штатов, подождать там полгода, потом отдать тридцать пять процентов налога, перевести деньги в Россию, заплатить полтора процента за перевод, потом еще в российский бюджет тринадцать процентов подоходного. «Сколько же мне всего достанется?» – спросила бабка и начала

объяснять, что у них с мужем двухкомнатная квартира, в которой живет дочка с мужем и двумя детьми, а сами они с супругом круглый год на маленькой даче, где холодно и нет ни водопровода, ни канализации. И тут мне пришла в голову замечательная мысль.

Лифшиц посмотрел на стоящую на столе перед ним бутылку вина и предложил:

– А давайте выпьем!

Бутылка стояла перед ним, но взял ее Словоерсов, начал разливать. А Лифшиц продолжил:

– И тут мне в голову пришла ну просто замечательная мысль. «Вы даете мне доверенность на представление ваших интересов на всей территории Соединенных Штатов и за их пределами, а также возможность распоряжаться наследством, с правом продажи имущества… А я все здесь, то есть в Штатах, реализую, и чтобы не платить налоги, покупаю вам в Петербурге трехкомнатную квартиру и загородный дом со всеми удобствами. У вас еще и деньги останутся, хватит на два автомобиля и не только. Бабка, естественно, обрадовалась. Я выполнил все, что им обещал. Вся операция мне обошлась в один миллион долларов, вместе с двумя автомобилями «шевроле каптива», которые я приобрел здесь – в России. Мало того, я еще им на два счета перевел по восемь миллионов рублей. Они так были обрадованы, плакали от счастья и целовали меня… Честно скажу, я тоже плакал.

– Ты-то сам что-то заработал? – поинтересовался Словоерсов. – А то столько трудов положил.

– Ну так, сущую мелочь, – признался Борис. – На счетах у старушки нашлось семь с лишком миллионов, драгоценности потянули на четыре… муж-то у нее не просто ювелиром был, который спаивал разорванные цепочки, замочки на сережках ремонтировал – он полвека скупал у репатриантов вывезенные из СССР уникальные вещи. Короче, общий мой доход после завершения контракта составил двенадцать с половиной мильонов таки баксов. Штаты, ребята, – это страна возможностей. Боже, благослови Америку! За это выпьем!

– Да, всем бы таких тетушек, – вздохнул Словоерсов.

– А у меня была как раз троюродная, – признался Владимир Васильевич, – только она была тетушкой не мне, а отцу. А для меня, стало быть, троюродной бабушкой. Незадолго до того, как папы не стало, она умерла, оставив нам дом в Сестрорецке.

– Так мы бывали там! – обрадованно вспомнил Словоерсов. – Мы к тебе ездили постоянно. То есть не к тебе, а на пляж – там до него ходу минуты три…

Последние слова были обращены уже к американскому другу.

– Да я же там тоже бывал, – признался Лифшиц.

Вот как раз его Высоков и не помнил.

Он посмотрел в сторону и увидел женскую спину за соседним столиком. Стройная девушка. Лица Владимир не видел. Она сидела с молодым мужчиной, и пара о чем-то негромко беседовала. Девушка с каштановыми волосами была в черном облегающем платье с разрезом на спине. Хотя, скорее, волосы были цвета темного ореха. Сидела она прямо, выгнув немного спину и положив ладони на колени, словно ожидая, когда к ним подойдет официант и принесет заказанные блюда. Официант с подносом и в самом деле тут же появился, и Владимир Васильевич отвернулся.

– Ты женат? – поинтересовался Словоерсов.

– Как раз нет, – ответил американский миллионер. – Сейчас думаю на эту тему, но кандидатуры пока нет. Меня, правда, теперь все знакомые пытаются познакомить со своими молодыми и не очень одинокими родственницами: все как будто пронюхали, что у меня появились деньжата.

– Это точно, – согласился Словоерсов, – от богатых людей совсем иной запах исходит.

Он взял со стола бутылку и начал разливать.

Высоков обернулся, чтобы снова посмотреть на девушку, и столкнулся с ней взглядом, но она продолжила разговор со своим визави. Девушка была хороша.

Так красива, что у Владимира Васильевича защемило сердце от зависти к чужому счастью. На соседнем столике приглушенно охнула бутылка шампанского.

– Ребята, – торжественно произнес Лифшиц, – сейчас конец апреля. Уже травка на газонах, деревья скоро начнут распускаться. Давайте замутим что-нибудь!

– В каком смысле? – не понял Владимир Васильевич.

– Устроим пати на твоей даче. Пригласим девушек, поставим музычку, потанцуем…

– У меня там мама постоянно проживает.

– Так отвези ее в город на пару-тройку дней.

– Я подумаю, – ответил Высоков, точно зная, что ничего этого он не хочет, потому что наверняка Лифшиц, а скорее всего, Дима Словоерсов, обзвонит всех сокурсников и объявит, что Володя приглашает всех оттянуться по полной в своем загородном доме.

– Хороший ход ты придумал, – вернулся к прежнему разговору университетский приятель, обращаясь к Борису, – раз, раз и в дамки! А я тут уголовными делами занимаюсь. Да были бы дела! Если бы я защищал какого-нибудь олигарха, взяточника губернатора или народного артиста, который кого-нибудь задавил по пьяни?! А то какая-то мелочевка все время: кто бабушку обокрал, кто соседку по пьяной лавочке изнасиловал у нее же в доме после совместного распития. Сам он и не помнит ничего, а шесть лет ему корячиться.

– Шесть лет? – не поверил Лифшиц. – Гуманное у вас законодательство. У нас в Штатах просто посмотрел на девушку, так она сразу полицию вызывает. А если собственную подчиненную в бар пригласил, то… Один мой знакомый, у которого своя, заметьте, юридическая фирма, вышел из туалета и не заметил, что у него ширинка расстегнута. Так все его сотрудницы тут же стали снимать это на свои телефоны. Но он-то молодец, догадался, что к чему, и сразу помчался к своему портному и при двух свидетелях составил акт, что у него сломалась молния. Время, естественно, указал в акте и причину поломки – китайская, мол. Вернулся в свой офис, а там все бабы хихикают, радуются, что в харасменте обвинят

своего работодателя и снимут с него по полной…

С соседнего столика на пол упал бокал и разбился. Все сразу обернулись и стали смотреть на парочку.

– Как вы смеете мне такое предлагать? – с возмущением начала шептать девушка в черном платье. – Что я могу о вас подумать?

Она хотела выскочить из-за стола, но молодой человек удержал ее за руку, и схватил он ее, очевидно, очень крепко, потому что девушка поморщилась.

– Отпустите! Мне больно!

Но мужчина продолжал ее держать.

Высоков поднялся и шагнул к соседнему столику.

– Отпустите! – произнес он спокойно. – Если вы этого не сделаете, сейчас я вызываю наряд. Вас задержат и предъявят обвинение по сто тридцать третьей статье. А я уж прослежу, чтобы наказание было максимальным – один год лишения свободы.

– Базара нет, – ответил молодой человек и отпустил девушку.

Она бросила на Владимира Васильевича быстрый взгляд.

– Спасибо.

Схватила свою сумочку и бросилась к выходу.

– Я вас предупредил, – сказал Высоков молодому человеку и поспешил за девушкой.

Она получала в гардеробе пальто. Высоков подошел, взял пальто и помог девушке надеть его.

– Спасибо еще раз, – сказала девушка, заглядывая в его глаза, – если бы не вы…

Владимир Васильевич достал из кармана визитку и протянул девушке.

– Если это еще повторится, звоните в любое время – помогу! Я этого так не оставлю. Ведь, насколько я понял, это ваш работодатель.

Девушка кивнула и сказала:

– Теперь он меня точно уволит, но я и сама уже не хочу работать в его компании.

Она еще раз заглянула в его глаза:

– Меня зовут Настя.

Высоков вернулся к друзьям.

– Так это правда, что тебя хотят назначить заместителем председателя городского суда? – негромко поинтересовался Лифшиц.

– Болтовня! – отмахнулся Владимир Васильевич.

– Никакая не болтовня, – уверенно возразил Словоерсов, – городская коллегия судей рекомендовала его еще неделю назад, а, судя по всему, уже в ближайший понедельник последует назначение.

– А чем там история с ширинкой закончилась? – напомнил Высоков, чтобы закрыть тему.

– Замечательно закончилась! – рассмеялся Борис. – На следующий день две дамы написали заявления и приложили фотографии, а он выставил им встречный иск о вмешательстве в личную жизнь, потому что ширинка – это интимное пространство. Обе они уволились, попросили о мировом соглашении, а мой знакомый потребовал вернуть ему все полученные от него в качестве заработной платы деньги. Не знаю сколько, но они заплатили, потому что знали:

у их босса в друзьях как раз заместитель прокурора штата.

Глава третья

В понедельник Владимира Васильевича вызвали в здание городского суда на Бассейной улице и объявили о новом назначении. В тридцать пять лет он стал самым молодым заместителем председателя городского суда и, соответственно, членом президиума городского суда. Он оказался самым молодым судьей в городе, назначенным на такой высокий пост. Даже его отец получил эту должность в сорок лет.

Конечно, Высоков знал, что он рекомендован, надеялся, что назначение состоится. Но старался не думать об этом, чтобы потом не было ненужных разочарований. Его назначили, поздравили, а председатель суда Николай Степанович Сперанский сказал, что верит: Владимир Васильевич проявит себя на новой должности таким же принципиальным и грамотным профессионалом, каким был в свое время старший Высоков.

– Мы с твоим папой учились вместе, – сказал Николай Степанович. – Но я и у него научился многому; таких порядочных и честных людей мало можно было встретить в жизни. Его убийство стало ударом для всего нашего судейского корпуса. В том, что ты будешь его достойным, я и не сомневаюсь.

Два дня – понедельник и вторник – Высоков передавал дела своему преемнику в районном суде. Во вторник вечером собрал весь коллектив в своем уже бывшем кабинете, где на столе стояли несколько бутылок сухого вина и тарелки с легкими закусками. Народу набилось много, и все его поздравляли и давали напутствия. Мобильный телефон надрывался: звонили с поздравлениями коллеги, бывшие сокурсники и, конечно, Алиса Никифорова. В городскую квартиру он решил не возвращаться, а направился к маме в Сестрорецк на служебном «вольво» с личным водителем. Елена Александровна была счастлива куда больше, чем ее сын, и плакала от радости. Вдвоем они пили чай с тортом и вспоминали отца.

Утром он вышел из калитки, где его поджидал «вольво», сел на переднее сиденье, и почти сразу раздался звонок.

– Доброе утро, простите, что в такую рань, – услышал Высоков нежный женский голос, – это Настя. Помните, в ресторане в субботу вы мне дали визитку? Еще сказали, что можно звонить вам в любое время…

– Да, да, – подтвердил Владимир Васильевич, чувствуя, как волна тепла разливается в его груди, – надеюсь, у вас все хорошо.

– Нет, совсем не хорошо. Я подала заявление об увольнении без отработки, чтобы побыстрее. А начальник… Ну, вы его видели, он сказал, что не заплатит мне за прошедший месяц. А мне платили и без того сущие копейки: я же на испытательном сроке без малого полтора месяца отработала, засиживалась допоздна… За съемную квартиру платить надо… простите, что звоню со своими проблемами, но мне просто не к кому обратиться: я совсем недавно в Петербург перебралась…

– Правильно сделали, что позвонили. Нам надо встретиться, чтобы я понял, в чем суть дела… Хотя и так понятно, однако нужны подробности.

Он замолчал, пытался что-то придумать и удивлялся тому, как гулко и быстро бьется сердце: такое было в далекой юности, когда он бежал, внезапно подросший, десятикилометровку, задыхаясь и уставая непонятно от чего, от работы, которую проделывал много раз.

– Сегодня я буду свободен после восьми вечера, – сказал он, – постараюсь пораньше, но обещать не могу… Но в любом случае подъеду туда, куда скажете.

– Мне так неудобно… Вы такой занятой человек… А я живу на самой окраине, на Пороховых, в старенькой пятиэтажке…

– А давайте встретимся в том же месте, где мы уже виделись, – предложил он. – Я закажу столик, поговорим о вашем деле, а заодно поужинаем: я в конце дня обычно страшно голодный…

Трубка ответила молчанием, и Высоков понял: девушка сейчас откажет, потому что тет-а-тет в шикарном ресторане уже не просто встреча, а свидание.

Было слышно, как она вздохнула, а потом ответила неуверенно:

– В ресторане не могу, потому что это уже похоже на свидание.

– Тогда в любом другом месте…

– Ну ладно, – вдруг согласилась девушка, – я приду туда, но ненадолго, потому что мне с утра надо работу искать.

День тянулся долго, перегруженный работой, встречами и новыми знакомствами. Хотя некоторых судей он уже знал немного, встречался с ними до этого, фамилии других были известны ему, а кого-то он знал только в лицо. Но все теперь были приветливы с ним и желали успешной работы. Под самый конец рабочего дня в кабинет заглянул сам председатель городского суда Сперанский. Он оглядел кабинет и удивился:

– Да ты ничего здесь не поменял.

– Были дела поважнее, да и стоит ли.

– Ну да, мне уже доложили, что ты с самого начала с головой в работу. Даже на обеде сегодня не был. Дома хоть ужин есть? – Николай Степанович наверняка знал, что Владимир не женат, а потому уточнил: – Есть кому для тебя готовить?

– Мама иногда приезжает, но чаще я сам, когда время есть…

– А времени у нас никогда ни на что не хватает, – вздохнул Николай Степанович, задумался на пару секунд. – Слушай, а почему тебе не жениться? Хороших девушек полно… Вот у моей племянницы дочка… Моя двоюродная внучка, стало быть, очень симпатичная, воспитанная. В прошлом году экономический окончила, теперь работает в банке. У вас разница всего ничего – тринадцать лет, а это для брака самое то. Короче говоря, приглашаю тебя к себе на дачу. Племянница подъедет с дочкой – вот и познакомитесь. Ты – парень видный и с перспективами. Я еще пару-тройку лет просижу в своем кабинете и – на пенсию. Буду рекомендовать тебя на свое место… Я думаю, никто возражать не будет. Только ты и сам себя проявить должен… Кстати, я потому к тебе и зашел… Хочу поручить тебе рассмотрение одного дела: надо одну нехорошую личность определить по двести десятой…

– Организация преступного сообщества или участие в нем, – уточнил Высоков, – от двенадцати до двадцати лет строгого режима. В чем проблема? Если он вор в законе, то отрицать ничего не будет, иначе раскоронуют его такие же воры, и он из уважаемых в преступном мире людей превратится в обыкновенного урку.

– Чего ты объясняешь? Но когда его задержали, суд выносил решение о мере пресечения… Никто не сомневался, что его оставят под стражей, а вот судья Кочергина решила иначе и отпустила под подписку о невыезде… Прокуратура обжаловала это решение, а Валентина Ивановна объяснила, что недостаточно доказательств его преступной деятельности, обвинение не предоставило поименный список участников преступной организации и не указало хотя бы одно преступление, совершенное кем-нибудь из этих людей.

– Достаточно лишь его признания в том, что он вор в законе. А вор, как все знают, должен сидеть в тюрьме.

Сперанский кивнул, задумался и еще раз кивнул.

– Я в тебе не ошибся, – произнес он, – ты всё правильно понимаешь… А тебе вместо напутствия скажу, что фамилия этого негодяя – Качанов. В преступном мире известен как Каро Седой. Это не тайна, но тебе я скажу то, чего почти никто не знает. Четверть века назад именно этого гада подозревали в организации покушения на моего друга… Короче, на твоего отца, Володя. Так что для тебя это не акт мести, ни в коем случае. Это будет торжество справедливости… Я хотел тебя с самого начала на это дело поставить. И видишь, как вышло. Потом посоветовался с кем надо, сказал, что тебя поставлю, тем более тебя нужно поднимать… Две недели мы это обсуждали… Ну вот тебя и назначили. А ты оправдаешь доверие, ведь так?

Теперь уже кивнул Высоков. Про то, что к убийству отца причастен Каро Седой, он не знал, да и откуда бы. Кто бы ему – десятилетнему – сказал. И потом не стали говорить, потому что возникли бы вопросы: почему этот человек на свободе?

– Тогда он ушел от ответственности, – словно прочитав его мысли, начал объяснять Сперанский. – Он понес наказание за другое преступление, за которое ему светило пожизненное, но в наших рядах отыскался ренегат, который… Ты понял, о ком я говорю… Дал ему всего двенадцать, а потом срок вообще

сократили… Отсидел всего-то семь годков… Вот если бы тогда его обвинили в убийстве Васи, то сейчас ты бы не мог председательствовать на процессе: защита потребовала бы твоего отвода на законном основании – дескать, конфликт интересов. А сейчас никто и не подумает этого сделать.

– Я все понял, – негромко, но очень уверенно произнес Высоков, – не подведу.

– Ну, вот и славненько, – сказал Николай Степанович, поднимаясь, – пойду к себе. Договорюсь с племянницей, чтобы они с дочкой на выходные приезжали, ну и ты, само собой, подскакивай. У меня домик в Комарово, у тебя – в Сестрорецке: ехать-то всего ничего.

Оставшись один, Владимир Васильевич уже не смог думать ни о чем другом, кроме как о порученном ему деле. Процесс как процесс – ничего сложного, но зато у него будет возможность поквитаться с убийцей своего отца, хотя какие могут быть счеты между судьей и подсудимым: ведь преступник противопоставил себя закону, который Высоков будет представлять во время заседания.

И еще он понял, что тот самый судья-ренегат не кто иной, как Олег Ильич Колодин – лучший друг его отца.

Глава четвертая

Он подъехал к ресторану на четверть часа раньше назначенного срока и сразу увидел ее. Настя стояла у входа и ежилась от вечерней свежести, смотрела на него, виновато улыбалась, словно именно она – причина этого внезапно наступившего похолодания.

– Что же вы внутрь не зашли? – спросил Владимир Васильевич, давя в себе желание обнять ее и согреть. – Столик заказан на мою фамилию.

– Неудобно как-то, – ответила она.

– Неудобно спать на потолке: одеяло на пол падает, – пошутил Высоков и понял, как это пошло звучит.

Их проводили к столику, на котором стоял подсвечник с тремя свечами. Услужливый официант тут же зажег их.

– Я есть не хочу, – предупредила девушка.

Владимир Васильевич не стал ее уговаривать, заказал бутылку сухого вина и закуски к нему. После чего приступил к делу:

– На прежнюю работу вы возвращаться не желаете? Хотите просто, чтобы вам выплатили все положенное?

Настя кивнула.

– Теперь по поводу домогательств. Заявление у вас примут, только вряд ли что-то удастся сделать, потому что убедительных подтверждений ваших слов нет. И свидетелей, судя по всему, не будет.

Она снова кивнула.

– Что хоть за предприятие, на котором вы трудились?

– Они занимаются размещением рекламы на улицах и в средствах массовой информации. Коллектив молодой. Я туда и пришла, потому что мне сказали, что это сплоченный коллектив молодых талантливых единомышленников. Там действительно все молодые, особенно девушки. Начальник в первый же день приказал мне носить юбки покороче, чтобы не быть белой вороной. Они проводят вместе выходные, ездят за город… – Настя оглянулась и перешла на шепот. – Потом девочки мне сказали, что все вместе ходят в баню, которую Артем Викторович – это начальник – снимает на вечер и целую ночь. Мне предложили тоже ходить, но я сказала, что пока не готова. Потом начальник сам предлагал мне… Я отказывалась, он уже чуть ли не приказывал… А потом пригласил меня в ресторан, чтобы в спокойной, как он сказал, обстановке поговорить о моей дальнейшей карьере в их фирме… Дальше вы видели сами.

– Как у них с финансовой дисциплиной?

– Я не знаю… Я к бухгалтерии никакого отношения не имела. Но за первый месяц мне выдали зарплату в конверте, и в ведомости я не расписывалась. А за второй вообще не заплатил. А еще я знаю, что Артем Викторович хранит в сейфе оружие.

– Откуда знаете?

– Я стояла в коридоре, а он зашел в офис, увидел меня и говорит: «Пойдем!» Зашли в кабинет, он сразу достал из-за пояса пистолет, положил на стол, а потом открыл сейф и спрашивает меня: «Видела такой прежде? Это «беретка».

– «Беретта», – поправил Высоков, – не сказал, откуда он у него?

– Сказал, что по случаю купил и что дома у него почти десяток стволов… А этот пистолет он купил, чтобы и на работе был на всякий случай. Он якобы коллекционирует пистолеты.

Владимир Васильевич достал из кармана записную книжку и протянул ее девушке.

– Напишите название фирмы, адрес офиса, фамилию директора и номер его телефона.

Пока она писала, Высоков оглядел полупустой зал, на небольшую эстраду в этот момент начали выходить музыканты. Показался официант с подносом. Он поставил на стол бутылку с вином и тарелочки с сырным ассорти, оливками и тарталетками с икрой.

– Ой, – растерялась девушка, – я не хочу есть вовсе…

– Цветы у вас есть? – обратился Владимир Васильевич к официанту. – Поставьте букет на наш столик.

– О делах поговорили, – продолжил он, глядя, как официант разливает вино по бокалам, – теперь расскажите коротко о себе, а то получается, что я ужинаю с

прекрасной незнакомкой.

Рука официанта при этих словах дрогнула, но он не пролил ни капли.

– Простите, – произнес молодой человек, – а цветы я сейчас принесу.

Он быстро удалился, а Настя нагнулась над столом, улыбаясь, заговорщицки шепнула Высокову:

– У него было такое лицо, как будто он не сомневался, что вы начнете прямо сейчас читать стихи.

– Какие стихи? – не понял Владимир Васильевич.

– Стихи Блока. Медленно пройдя меж пьяными, всегда без спутников, одна, дыша духами и туманами, она садится у окна…

– Ну да, – согласился Высоков, поднимая свой бокал, – такое тоже случается в жизни, правда не со всеми. Давайте выпьем за случай, который нас свел… то есть познакомил…

– И за хороших людей, – улыбнулась девушка.

– То есть за нас, – согласился он, – но это уже следующий тост.

Настя улыбалась так ослепительно, что у Высокова сжималось сердце, когда он смотрел на нее. Вероятно, она что-то видела в его глазах и от его взгляда смущалась и улыбалась еще прекраснее. Они разговаривали, увлеченные друг другом, потом танцевали… Свечи на столе догорали, вечер таял, благоухали алые розы в стеклянной вазе, сквозь плотные шторы пробивались полоски лимонного света уличных фонарей.

Девушка взглянула на часы и вздохнула:

– Ровно через пятнадцать минут карета превратится в тыкву.

– Как? – не поверил Владимир Васильевич. – Уже полночь? Не может быть, ведь только что пришли! Ну что делать?

Он не стал упрашивать ее остаться еще, подозвал официанта, мельком взглянул на счет и рассчитался. Официант вынул из вазы букет роз, стряхнул воду со стеблей, протер их бумажной салфеткой, а потом завернул в тканевую.

– Будем рады видеть вас еще. Вы ведь у нас первый раз.

– Второй, – одновременно, не сговариваясь, произнесли Высоков и Настя.

И засмеялись.

Они вышли на Невский, и почти сразу рядом с ними остановилось такси. Высоков открыл дверь, усадил девушку в салон и протянул водителю пятитысячную:

– Отвезите девушку до дома, но только осторожно, а то я номер ваш запомнил.

– Владимир Васильевич, вы очень много дали! – попыталась остановить его Настя.

– Я сдачу дам, – повернулся к ней водитель, – сколько скажете, столько и дам.

– А я проверю, – кивнул ему Высоков, а девушке сказал: – Позвоните, когда доберетесь.

Машина отъехала, Владимир Васильевич увидел, как обернулась его новая знакомая и помахала ему рукой. В ответ он помахал тоже. Тут, как по сигналу, рядом остановилась еще одна машина.

Он сел на переднее сиденье.

– На Васильевский, – произнес устало.

На самом деле он не устал, ему хотелось, чтобы этот вечер продолжался и никогда не заканчивался – лучший вечер в его жизни.

Добрался он быстро, вошел в квартиру и стал ожидать звонка. Но его не было. Высоков включил телевизор. На экране разворачивались ужасные действия: зомби бились с вампирами… Хотел сменить канал и тут же услышал сигнал своего мобильного, который он почему-то забыл в кармане пальто. Бросился в прихожую и ответил.

– Я только что вошла, – прозвучал нежный голос девушки, – таксист довез меня за тысячу, так что четыре верну вам при первой же встрече. А вообще спасибо вам за сказочный вечер: у меня в жизни никогда такого не было.

Высоков положил телефон на стол, взглянул на экран. Зомби разваливались на куски, а вампиры превращались в черную пыль.

– Эх, ребята, – вздохнул Владимир Васильевич, продолжая глядеть на телевизионный экран, – мне бы ваши проблемы.

В эту ночь он долго не мог заснуть. Лежал, смотрел в темный потолок и вспоминал Настю: как она говорит, улыбается, смотрит на него. Вспоминал то, что она рассказала о себе, и придумывал, как бы увидеть ее еще раз.

Ей двадцать три года, родилась в Приднестровье, в семье военного, правда, он уже не служил, когда российскую часть вывели, он не поехал со всеми, потому что в России у них не было ничего. На аренду самого дешевого жилья денег тоже не имелось, а в Молдавии у них оставался дом. Отец занялся ремонтом квартир, потом перебрался в Москву, чтобы уже там заниматься тем же самым. Дома бывал редко, а когда мама выбралась к нему сама, оказалось, что у папы уже другая женщина… Настя окончила университет в Кишиневе, училась на кафедре романских языков, но работы на родине для нее не было, и потому она приехала в Петербург, чтобы устроиться переводчиком или гидом. Подробностями ее личной жизни Высоков, разумеется, не интересовался, понимая, что если бы у нее кто-то был, то любимый человек вступился бы за нее. Но она живет одна, следовательно, ее сердце свободно. Именно так и подумал Владимир Васильевич в радостном предвкушении продолжения такого приятного для него знакомства – даже более чем просто приятного.

А еще она очень любит природу: лесов, конечно, в Молдавии немного, зато лучшие воспоминания детства – это когда отец брал ее с собой на Днестр, где они вдвоем ловили рыбу.

Глава пятая

Высоков шел по коридору здания городского суда, направляясь к своему кабинету, машинально отвечая на приветствия, но думая совсем не о служебных делах. А потому, когда к нему подошел судья Иванов, он даже не понял суть обращенного к нему вопроса.

– Какой пистолет? – переспросил Владимир Васильевич.

– Твое личное оружие.

– Так он не мой: пистолет и выданные патроны являются федеральной собственностью согласно Постановлению правительства номер сто семьдесят.

– Это понятно, – согласился Иванов, – просто я хочу спросить, когда ты в последний раз сдавал нормативы. А то нас уже вторую неделю гоняют на сдачу. Вчера и я сподобился. Судью Кочергину знаешь? Ей за шестьдесят – так и ее загнали на сдачу. Она так сопротивлялась, говорила, что боится всякого оружия, тем более его применять… Сказала, что если на нее и нападут, то она тут же умрет со страху, а про револьвер не вспомнит. Она даже разницы не понимает между пистолетом и револьвером… Я подошел и за нее отстрелялся, выбил двадцать семь очков, чему удивился. В ведомости у нее будут «27», а у меня только «20». Потом еще меня заставили предъявить выданные патроны на предмет их сохранности. А у меня одного не хватало. Хотели акт составить…

Этот разговор был неинтересен Высокову, но он стоял и слушал: Иванова он знал по юридическому факультету: тот учился на два курса старше, был отличником и председателем студенческого совета.

– …На самом деле у меня не хватало целой обоймы: на рыбалку ездил, место пустынное, вот я и потренировался по деревьям. Нарушил, признаю. Потом пришлось просить у брата двоюродного – он заместитель командира батальона Росгвардии… Брат принес только семь… Обещал потом дать еще, но как-то забылось…

– Мне вообще-то надо спешить, – напомнил Высоков, – у меня сегодня приемные часы.

– Да, да, – согласился Иванов и спросил: – А как ты сам к рыбалке относишься? Может, как-нибудь в выходные смотаемся: я классные места знаю.

– Нормально отношусь, только давно не выбирался. А в детстве с отцом часто ездили… – И тут Владимира Васильевича осенило: – Сергей, раз у тебя брат в Росгвардии, значит, он в любом случае связан с разрешительной системой. У меня появилась информация, что директор одной рекламной фирмы хранит в своем служебном сейфе незарегистрированное оружие.

– Без проблем, – обрадовался бывший председатель студкома, – брательник с радостью все сделает: ведь это тоже ему по службе зачтется. Давай координаты фирмы, фамилию руководителя. Но с тебя услуга за услугу: после, как этого рекламиста возьмут, мы с тобой отметим это дело на рыбалке.

– Договорились, – пообещал Высоков.

Достал из кармана записную книжку, открыл на нужной страничке и показал запись, сделанную рукой Насти.

– Какой ты каллиграф! – удивился Иванов и сфотографировал запись на камеру своего мобильного телефона.

Высоков взял из его руки книжку, хотел продолжить движение, но Иванов еще раз его остановил:

– Ты помнишь такого судью Колодина? Тут я вчера рассматривал в суде дело гражданки Кузякиной… смешная фамилия – Кузякина, да она еще Элеонора. Ты представляешь?

– При чем здесь Колодин?

– А ты слушай. Смотрю я на подсудимую, а ей вменяют несколько статей: вымогательство и прочее… ей сорок пять лет или даже больше: перетянутая вся, насиликоненная… наглая – не то слово. И вдруг у меня появляется

ощущение, что видел я ее раньше. Вспоминал, вспоминал и наконец… Она, оказывается, накатала в свое время телегу на мирового судью Колодина…

– А разве Олег Ильич был мировым судьей?

– Ну да. Когда ушел из городского суда, попросился мировым на какой-то участок. Так вот эта дама заявляла, что Колодин у нее вымогал взятку за благоприятное для нее решение… Еще он домогался ее. Короче говоря, вызвали его на коллегию. Разумеется, ничего не подтвердилось, а Колодину все равно с сердцем плохо стало. Оказывается, от этой стервы ушел муж, оставив ей свою квартиру, доставшуюся ему от родителей еще до брака с ней, всю мебель… А она требовала с него половину всех его доходов, потому что, по ее словам, за пятнадцать лет совместной жизни потеряла ровно половину своего здоровья. Сейчас она владелица нескольких кафешек. На нее пожаловались администраторы и официанты, будто бы она установила для каждого норму чаевых, половину из которых они должны возвращать ей…

– Я слышал похожую историю.

– Короче, есть видео с моментами передачи средств, где она вопит, что ей мало дают, да с таким матом орет… есть запись, как она передает взятку налоговику. Ну там еще много чего… Даже совершенно скотские сцены с подчиненными ей мужчинами. Влепил я ей два года общего.

– Сережа, – взмолился Высоков, – давай в другой раз: сегодня без того день тяжелый.

– Да, да, – тут же согласился старый знакомый, – конечно. А брату прямо сейчас позвоню.

Олег Ильич Колодин был лучшим другом отца, дружили они еще со студенческих лет. Он был и лучшим другом семьи. Мама даже как-то сказала Владимиру, что сначала Олег начал ухаживать за ней, но очень скоро познакомил ее с другом Васей, а потом пожалел об этом. А может, и не пожалел, остался другом для обоих. Он часто бывал в доме Высоковых, Владимир Васильевич его хорошо помнил, хотя подробности давних встреч с годами стерлись в памяти. А когда мама перебралась жить за город, он продолжал навещать ее и там, только уже гораздо реже – так, по крайней мере, утверждала

мама, а сам Высоков уже и не помнил, когда он видел в последний раз друга отца. То, что Сперанский назвал его ренегатом, покоробило, тем более что когда-то Владимир Васильевич уже слышал подобное высказывание в адрес Колодина, и тогда тоже говорили, что он выносит слишком мягкие приговоры преступникам, а просто так такого не бывает. То есть кто-то откровенно намекал, что судья получает взятки. Но если бы это было так, то Олег Ильич перестал бы быть судьей, с него сняли бы неприкосновенность, а дальше суд, позор… Но он ведь не просто так перешел в мировые судьи, где ответственность поменьше, да и дела скучные, как под копирку: разводы, раздел имущества, бытовые ссоры и драки…

Высоков заглянул в список мировых судей, но фамилии «Колодин» не нашел в нем. Подумал и позвонил матери.

Мама, конечно, обрадовалась, стала говорить, что вчера хотела приехать к нему, чтобы навести порядок в квартире и приготовить что-нибудь, но не решилась, потому что теперь садится за руль редко и только для поездок на небольшие расстояния, а теперь такое движение… После этого, по обычаю, разговор должен был переключиться на то, что Володенька не женат, а ей так хочется понянчить внуков, может, зря она тогда отвадила его сокурсницу…

– Она, конечно, не очень воспитанная была, но мы бы ее…

– А где сейчас Колодин? – поинтересовался Высоков, меняя неприятную для себя тему.

– Олег? – переспросила мама, как будто речь могла идти о другом каком-то Колодине. – Так он сейчас трудится юрисконсультом в какой-то фирме. Видела его недавно, он сказал, что не может просто так сидеть на пенсии: скучно ему, да и полезным хочет быть людям. Он же специалист высшего уровня. Хотя с виду некультяпистый какой-то, на нем даже мантия сикось-накось сидела. А почему ты спросил?

– Просто вспомнил. Прости, но у меня посетители.

Дверь открылась, и вошли не посетители, а судья Иванов.

– Я брательнику сразу позвонил, и он сказал, что очень интересно и он сейчас начнет этим заниматься… – Иванов обвел взглядом кабинет, потом обернулся на дверь: – Уже начал, я думаю. Володя, а почему у тебя приемная пустая? Где секретарь, а еще лучше секретарша? Привез бы ту, что была у тебя в районном суде.

– Она решила на пенсию уйти, а здесь пока никого не предлагали.

– Не надо ни в какой административный отдел обращаться. Сам найдешь! Неужели у тебя никого нет на примете?

Высоков молча покачал головой.

– Да, ладно! – не поверил Иванов. – А вообще по жизни?

Высоков снова покачал головой.

– Ну ты даешь! – удивился бывший приятель. – Такой красавец и вдруг… Я понимаю: весь в работе, времени на личную жизнь нет. Так надо совмещать приятное с полезным, как все делают…

– Подумаю, – пообещал Высоков, давая понять, что разговор закончен.

Он так сказал, хотя на самом деле подумал об этом еще до появления в кабинете бывшего председателя студенческого комитета. Настя ищет работу, он ей предложит должность своего помощника с неплохим, кстати, окладом. И она всегда будет при нем.

Иванов не думал уходить, вероятно, он пытался навести мосты с новым начальством.

– С делом гражданина Качанова уже ознакомился?

– С чего ты взял, что я буду им заниматься?

– Так все знают: ты же у нас самый принципиальный.

С бывшим сокурсником пришлось еще провести весь обеденный перерыв. Иванов предложил пообедать в кафе на Московском проспекте, где по его уверению, прекрасная европейская кухня. Мол, у него в этом кафе большая скидка, и он уже заказал там сегодня обед на две персоны. Пришлось идти.

Кафе поразило своим интерьером. А вообще судья Иванов немного поскромничал, потому что над входом висела вывеска, где было указано, что это ресторан, чего бывший председатель студкома не мог не заметить прежде. Зал оказался просторным, в нем было пусто, что очень удивило Высокова. Но его спутник объяснил, что здесь вообще-то не очень дешево. Но самое главное Иванов оставил на десерт. Когда их обед подходил к концу, он вдруг вспомнил:

– Брат отзвонился, сказал, что они уже прибыли на место. Осмотрели сейф директора и обнаружили в нем незарегистрированную «беретту» и коробку с патронами. Кроме того, там находилась внушительная сумма наличности в рублях и валюте. Директор не нашел ничего лучшего, как сказать, что эти деньги приготовлены на выплату зарплаты. На выходе задержали бухгалтера, которая пыталась проскользнуть, пряча в сумочку еще изрядную сумму… Директора повезли по его месту проживания и там нашли еще дюжину стволов. Все незарегистрированные, само собой, кроме одного травматического пистолета. Как прокомментировал брат, влип очкарик.

Высоков сделал вид, что эта информация его интересует мало. Но когда вернулся в кабинет, тут же позвонил Насте, чтобы сообщить ей новость.

– А я только-только вам собиралась позвонить. Сегодня произошло нечто очень странное. Я приехала на работу, чтобы в последний раз попросить выплатить мне хоть что-то, потому что кроме вчерашних ваших четырех тысяч у меня практически ничего. Странности начались сразу, потому что у входа стоял человек с автоматом, который спросил, что мне надо. Я сказала, что работаю здесь, и он меня пропустил. И тут же встретила главбуха, которая так обрадовалась, увидев меня, а прежде в упор не замечала: «Ой, Настенька, а я два дня уж тебе названиваю! Чего же ты за зарплатой не приезжаешь?» Пошли мы с ней в бухгалтерию, а там уже люди в штатском работают. Подсунула мне бухгалтер ведомость. Люди в сером проверили мои документы. Я расписалась, и вдруг мне выдают сто тысяч рублей! Вы представляете? Я смотрю на бухгалтера, а та ласково объясняет: «Это тебе, Настенька, зарплата плюс премия за хорошую работу!» А у самой рот скривило от ненависти ко мне или от

жадности. И теперь я не понимаю, что это было.

– У вашего директора в квартире при обыске еще кучу незарегистрированного оружия нашли, так что его до суда уже не выпустят.

– Это все вы сделали, – прошептала Настя.

– Сделали это специально обученные люди, – объяснил Высоков: – А я только попросил вам помочь.

– Спасибо, – прошептала девушка с такой нежностью, что Владимиру Васильевичу показалось, что она вот-вот заплачет.

– Не стоит, – бодро произнес он. – Вы работу не нашли еще? Если нет, то я, вероятно, смогу предложить вам ответственную должность… Правда, на нее объявлен конкурс.

– Что за должность? – осторожно поинтересовалась Настя.

– Должность моего помощника, если она вас, конечно, устроит. Но зарплата неплохая: не сто тысяч, разумеется, но на жизнь должно хватать.

– А вдруг я конкурс не пройду?

– Пройдете. Только в нашем ведомстве проверяют всех поступающих на работу сотрудников на предмет судимости…

– Этого нет.

– Алкоголизма и наркомании.

– Тоже не ко мне.

– Прочих нехороших излишеств.

– Тогда я не пройду по конкурсу, потому что я очень люблю помечтать.

– Страшный грех, – согласился Высоков. – Но я тоже люблю мечтать, однако мне это не помешало…

Включился селектор, и женский голос произнес:

– Владимир Васильевич, если не трудно, зайдите в канцелярию и получите дело Качанова.

– Сейчас, – ответил Высоков, а когда селектор отключился, сказал Насте: – Ну все, надо работать. Вечерком созвонимся и поговорим.

– Обязательно, – сказала Настя, – я буду очень ждать вашего звонка.

Глава шестая

На следующее утро она дожидалась его у здания городского суда, как они и договорились накануне. Он постарался подъехать пораньше, но девушка уже стояла там, высматривая его автомобиль, щурясь от бьющего ей в лицо яркого майского солнца. В руках у Насти был маленький портфельчик, в котором она принесла свои документы, необходимые для приема на работу.

Они вошли в здание вместе с другими сотрудниками, и Высоков замечал восхищенные взгляды, которые бросали на его спутницу мужчины; обращали на девушку внимание и женщины, но смотрели как-то изучающе-недоуменно.

Настя сдавала документы, и сразу начались вопросы. Вы окончили Кишиневский университет? А где трудовая книжка? Так вы гражданка чего? Приднестровской Республики?..

Сотрудница отдела кадров посмотрела на Высокова.

– Но вы же знаете, что мы принимаем на работу только граждан Российской Федерации.

– Я думаю, что вопрос с гражданством можно решить быстро, – ответил он.

Сотрудница взяла другой документ.

– А это что?

– А это мое резюме. Я работала в адвокатской конторе Петреску – это один из самых известных в Румынии адвокатов, потом была полицейским переводчиком в Италии…

– Каким переводчиком?

– Я неправильно выразилась. В Италии пять разных полиций: государственная полиция, пеницитарная, корпус карабинеров, финансовая и лесной корпус. Меня приглашали в качестве переводчика, когда задерживали человека, не знающего итальянского, но говорящего по-русски. Чаще всего меня вызывала Polizia di Stato, то есть государственная… Но и с финансовой я сотрудничала часто.

– И много вам платили?

– Там почасовая оплата. А поскольку вызывали не каждый день… Но однажды я участвовала в двенадцатичасовом допросе и мне заплатили почти восемьсот евро.

– Ничего себе! – удивилась инспектор отдела кадров. – Так и разбогатеть недолго.

– Мне не удалось, потому что все ушло на операцию для мамы. Мы хотели делать операцию в России, но здесь… то есть в Москве, когда узнали, что мы не граждане, заломили такую цену, что в Италии оказалось дешевле.

– Здоровье, конечно, вещь очень дорогая, – вздохнула кадровичка, – помогло хоть?

– Нет. Мама умерла через полгода. А того, что я зарабатывала, все равно не хватило: даже продали свой дом. А вообще переводчицей я была от случая к случаю, а так работала в ресторане на улице Данте. Это в Милане, совсем рядом

с соборной площадью. Почти каждый день по двенадцать часов на ногах – присесть было некогда, а потом еще надо было мчаться в полицейский участок, когда какую-нибудь украинку задерживали за воровство в дорогом бутике…

– Сочувствую, – вздохнула кадровичка и посмотрела на Высокова: – Но, к сожалению, вам откажут.

– Я попрошу лично Николая Степановича.

– Сперанский, к сожалению, не решает. У нас, вы сами знаете, своя служба безопасности. Я приму, конечно, документы, но на всякий случай не надейтесь.

– Я поняла, – улыбнулась Настя, – я уже привыкла к отказам.

Они подошли к кабинету, Владимир Васильевич открыл дверь и пропустил девушку в небольшую приемную.

– Вот здесь будет твое рабочее место. Работы будет немного: обычная секретарская.

– Мне знакома эта работа. Мне придется принимать звонки, переводить их на вас, если потребуется, составлять для вас распорядок дня, вести учет посетителей и звонков, готовить кофе…

Высоков взглянул на часы:

– В десять совещание у председателя городского суда Сперанского. Вы посидите пока здесь, в приемной, если вдруг будут звонить – отвечайте, что в одиннадцать тридцать я буду на месте.

Вернулся он через час и застал в своей приемной бывшего председателя студенческого комитета. Иванов сидел возле неизвестно откуда появившегося низкого столика и пил кофе. Он едва повернул голову, посмотрел на вошедшего Высокого и продолжил свой рассказ.

– …Я предоставляю последнее слово обвиняемому, и тот, волнуясь и смущаясь, обращается непосредственно ко мне: «Ваша честь, я безмерно уважаю вашу неприкосновенность, а потому прошу вынести мне наказание, не связанное с лишением свободы…»

Настя поднялась со своего стульчика и улыбнулась Владимиру Васильевичу:

– Я тут прибралась немного.

– А кофеварка откуда?

– Заходила судья Кочергина и сказала, чтобы я о вас получше заботилась. Ушла, но потом вернулась и принесла кофеварку, сказала, что на время отдает свою, пока мы не обзаведемся собственной.

– А кофе я притащил, – радостно доложил Иванов, – и сахар.

– Вам звонили, – продолжила девушка и, взяв со столика тетрадь, начала перечислять, – адвокат Словоерсов…

– Дмитрий, – уточнил Иванов, – прощелыга еще тот. Ты с ним осторожнее.

– Потом Борис Львович Лифшиц, он хочет пригласить вас на свою отвальную. Так и сказал.

– Лифшиц, – наморщил лоб судья Иванов, вспоминая, – а-а, кудрявенький такой шибздик. Тоже с вашего курса. А ты что, поддерживаешь отношения со всеми? С адвокатами советую не встречаться. А то потом придется оправдываться… Объясняй потом, что дела не обсуждали и ни о чем не договаривались.

– Из городской прокуратуры звонили, спрашивали, когда можно с вами поговорить о деле Кочанова.

– Качанова, – поправил Настю бывший председатель студкома.

– А еще ваша мама. Мы с ней минут пять разговаривали. Она спросила, сколько мне лет, что я окончила, замужем ли. А потом сказала, что вчера разговаривала

со Сперанским и тот пригласил ее вместе с вами к себе в Комарово на шашлыки. У вашей мамы очень приятный голос.

– На шашлыки в другой раз как-нибудь, а в эти выходные я хочу отдохнуть.

Настя бросила быстрый взгляд на Иванова: догадался ли? И продолжила:

– Из отдела кадров еще был звонок. Я ответила, что вы на совещании, и там не стали ничего объяснять.

– Будем надеяться, что все срослось, – кивнул Высоков.

– Если честно, – очнулся вдруг судья Иванов, – я боялся, что дело Качанова на меня спихнут.

– Дело как дело, никакой сложности: двести десятая чистой воды.

– Я не о том, – покачал головой бывший председатель студсовета, – просто по слухам, когда он… В общем, на судей обычно наезжают и ставят перед выбором – сам понимаешь каким.

– Не понимаю, – ответил Высоков.

Иванов поднялся молча и вышел из приемной. В этот день они уже не обедали вместе. Владимир Васильевич отправился в рекомендованный Ивановым ресторанчик в компании Насти, а после обеда посадил ее на такси и отправил домой. А на прощание сказал:

– Будем надеяться, что с вашей работой… то есть с нашей совместной работой вопрос будет решен положительно… Мне кажется, что в следующий понедельник вы уже выйдете на работу… Только что мне делать все эту неделю без вас… Да еще выходные…

– А давайте вместе съездим на рыбалку, – предложила девушка и улыбнулась.

Но вопрос с работой не был решен положительно. Настю не взяли, но Высокову сообщили об этом только в пятницу вечером. А накануне в четверг он вместе, как он считал, со своим секретарем ездил покупать спиннинг, две удочки, донку, палатку, два складных стульчика и маленький складной столик, подвесные светодиодные фонарики, котелок и топорик – все, что необходимо для рыбалки. И два теплых спальных мешка Владимир Васильевич тоже приобрел.

И тогда же, вечером в четверг, когда он отвез Настю к ее дому и уже возвращался домой в своем внедорожнике с багажным отделением, переполненным покупками, ему кто-то позвонил на мобильный. Владимир Васильевич не собирался отвечать, но потом подумал, что вечером могут беспокоить только по очень важному делу, и потому поднес мобильный к уху.

– Побыстрее, пожалуйста, я за рулем, – сказал он.

– Вас беспокоит старший советник юстиции Марьянов из городской прокуратуры. Я буду представлять обвинение…

– Зачем вы мне звоните? Хотите оказать давление?

– Нет, я просто хочу предупредить вас о…

Высоков прервал разговор, так и не узнав, о чем его хотел предупредить прокурор. Да он и не хотел этого знать, потому что вся голова его была забита мыслями на тему более приятную, чем предстоящее судебное заседание.

Глава седьмая

Он заехал за Настей в субботу в половину шестого утра, рано, конечно, но для того чтобы успеть к зорьке, другими словами, к утреннему клеву. Солнце уже высунуло свой красный бок над крышами домов, но улицы были тихи и пустынны. Настя по договоренности вышла на улицу, чтобы он не заезжал в узкие дворы, плотно заставленные автомобилями жильцов. На ней была красная куртка-плащовка с капюшоном и узкие джинсики. А в руках большая спортивная сумка. Двушка села в машину и, когда автомобиль тронулся, обернулась и

посмотрела на заваленное багажное отделение, словно проверяя, все ли купленное накануне на месте. После чего сказала весело:

– Теперь точно – вся рыбка наша!

Маршрут наметили накануне по карте навигатора. Сначала Настя отыскивала на карте озера и обнаружила одно, название которого ей понравилось – Волоярви. Она даже отзывы рыбаков о нем нашла: рыба там есть всегда, в основном окуни, плотва, подлещики и не очень крупные щуки. От Кольцевой дороги ехать придется чуть менее часа, недалеко, но место там пустынное.

Сначала автомобиль пролетал мимо дачных поселков, потом они закончились, дорога нырнула в лес… И очень скоро Высоков свернул на прилегающую бетонку, и сразу под днищем колеса застучали по стыкам плит.

– Как на поезде едем! – удивилась девушка.

Высоков немного сбавил скорость, чтобы не стучало так часто и громко. Ехали еще четверть часа, за это время не встретили ни одной машины, да и дорога выглядела так, словно транспорта на ней не было давно: сквозь трещины в бетоне вылезала к солнышку зеленая травка, а на обочинах лежали сваленные ветрами деревья.

Озеро чуть не пропустили. В самый последний момент Владимир Васильевич, разглядев сквозь придорожные сосны голубую гладь, притормозил, и почти сразу открылся спуск с дороги. Съезд был разбит, словно по нему прошлись трактора и танки, даже на своем внедорожнике Высоков спускался медленно, машина раскачивалась из стороны в сторону.

– Как на лодке плывем! – радовалась Настя.

Наконец выехали к берегу, на котором остались следы костров и срубленные деревья. Высоков остановился и хотел выйти, но его спутница сказала, что тут вряд ли много рыбы, раз все ловят именно здесь, и предложила подыскать другое место. Он согласился и осторожно поехал дальше, приминая ивовые кустики и высокую осоку. Ехали еще минут пять или шесть, Владимир Васильевич следил за дорогой, а Настя восхищалась озером.

– Какое огромное! Тут даже чайки есть!

Наконец въехали на небольшой пригорок, на котором росли сосны – они стояли так плотно, что Высоков понял – дальше дороги нет. Он остановился. Вышли из машины, Настя начала спускаться к воде, сверкающей солнечными бликами.

– Здесь дно вязкое, – крикнула она, да так звонко, что ее крик спугнул уток. Захлопав крыльями, они вылетели из густого тростника и понеслись над самой поверхностью огромного озера, едва не касаясь крыльями воды.

Высоков начал доставать из машины привезенные вещи. Потом снял с себя куртку, потому что в ней уже было жарко. Подошла Настя и остолбенела.

– Что это? – спросила она, глядя на кобуру.

– Личное оружие, – объяснил он, – ты же вчера волновалась по поводу того, что здесь могут быть дикие звери или разбойники. Вот я и взял: люди одного вида пистолета испугаются и убегут, а зверей выстрелом в воздух отпугнуть можно. Хотя звери вряд ли нападут. Они людей боятся.

– А можно посмотреть?

Она протянула руку, Высоков достал «ПМ», вынул из него обойму и подал девушке.

– Никогда не видела, – тихо сказала она, – в руке даже не держала. Ты из него стрелял?

– Стрелял, когда норматив сдавал.

– А мне можно?

Владимир Васильевич покачал головой:

– Лучше не стоит.

– Ну ладно, – согласилась Настя, возвращая пистолет, – нельзя так нельзя. Просто вдруг так захотелось попробовать разочек…

Высоков вдруг вспомнил разговор с Ивановым, который расстрелял целую обойму, и никто не стал разбираться, куда тот дел патроны.

– Хорошо, – сказал он, вставляя обойму в рукоять и протягивая пистолет девушке, – разочек стрельни. Все патроны считаные, но я придумаю что-нибудь. Стреляй только в сторону воды. Вон в то дерево.

Встал за ее спиной, показал, как снять с предохранителя.

– Медленно поднимай руку, прицеливайся так, чтобы мушка оказалась на уровне прорези…

Внезапно пистолет выстрелил. Грохнул так оглушительно, что эхо пронеслось над водой.

– Я случайно нажала, – начала объяснять Настя, – даже прицелиться не успела, – она протянула пистолет. – Все, больше не хочу – не мое это дело.

Высоков убрал пистолет в кобуру, посмотрел на девушку, вглядывающуюся в прибрежный тростник, который был за соснами.

– Ой, – прошептала она, – там кто-то был… Мне показалось, что там кто-то упал…

Он повернулся и стал всматриваться туда, куда был направлен взгляд Насти. Потом направился туда, начал спускаться к воде… Вошел в тростник и замер…

Лицом вниз распростерся человек в высоких болотных сапогах, лежал и не шевелился. Владимир Васильевич бросился к нему и, подойдя близко, сразу понял: мужчина мертв. Пуля попала ему в затылок. Рана была сквозная.

Настя тоже начала спускаться.

– Что там? – крикнула она.

– Не ходи сюда!

Но она уже увидела, вскинула руки, чтобы прикрыть лицо, и тут же осела на землю. Очевидно, ноги ее не держали. Высоков подбежал к ней, попытался помочь подняться и увидел, как дрожат его собственные руки. Но все же поднял ее, взял на руки и понес к машине. Продолжая держать Настю на руках, открыл дверь и усадил ее в кресло. Девушка дрожала и не убирала руку с его шеи.

– Это я?.. – прошептала она и повторила: – Это сделала я?

Он не знал, что ей отвечать, снял ослабевшую руку со своей шеи и побрел к берегу. Зашел в тростник, надеясь на то, что все ему привиделось и ничего этого не было. Мысль была отчаянная и глупая, но он цеплялся за нее, как ребенок, который, закрыв глаза, пытается спрятаться от окружающего его мира. Солнце скрылось почти внезапно, бликов на воде уже не было, только ветер гнал к берегу быструю рябь.

Человек лежал все так же неподвижно, впрочем, это был уже не человек, а тело. Высоков подошел, но не решился осмотреть его: и без того было все ясно. Он отвернулся, бросил взгляд в сторону машины, словно боялся, что девушка вылезет из нее и опять придет сюда. Он снова стал подниматься на невысокий пригорок, думая о том, что надо сейчас предпринять. Определенно надо звонить в полицию… позвонить, потом дождаться, когда приедет группа, и объяснить, что доставал из кобуры пистолет, спуск которого по нелепой случайности не стоял на предохранителе, и произошел самопроизвольный выстрел… Звучит нелепо, конечно, но поверят или сделают вид, что поверили… Зачем ему убивать незнакомого ему человека? Поверят, разумеется. Но все равно: это статья сто девятая. Максимального срока он не получит, даже ограничения свободы не назначат, дадут исправительные работы… С должности его погонят, как и из судейского корпуса. Жизнь не кончится, конечно, можно, как бывший судья Колодин, устроиться в какую-нибудь фирму юрисконсультом, а потом и в адвокатуру уйти… Все можно, но это будет уже другая жизнь, а не та, к какой он шел долгие годы. Хуже всего, что все окружающие будут считать его убийцей…

Он вернулся к автомобилю, увидел на водительском сиденье свой телефон и взял его, чтобы набрать 112. Посмотрел на Настю, которая глядела на него испуганными глазам.

– Что теперь со мной будет? – прошептала она.

– При чем тут ты? Пистолет мой, значит, я и стрелял.

– Тебя не посадят? – с надеждой спросила она. – Ведь ты – судья, у тебя неприкосновенность.

– Это суду решать.

– Не надо, – взмолилась она, – а вдруг посадят? А как я без тебя? Я буду тебя ждать, а как жить, зная, что я всему виной…

Он наклонился над водительским креслом, обнял девушку, привлек ее к себе. Прижал, успокаивая, потом опустил взгляд и увидел подставленные губы. Осторожно поцеловал Настю и шепнул:

– Не бойся, все будет хорошо.

Это был первый их поцелуй.

Мобильный аппарат по-прежнему был у него в руке. Владимир Васильевич смотрел на него, не решаясь набрать номер.

– Не надо, – тихо попросила Настя, – не надо никуда звонить. Того человека этим мы не вернем, а жизнь себе сломаем. Мою жизнь и твою… тебя будут считать убийцей… Хотя убийца – я. Как нам дальше жить с этим, когда на нас смотреть будут как на преступников…

Она не договорила, но ведь это то, о чем думал он сам… Но даже не это главное, главное, что она впервые сказала «мы». А ведь ничего между ними не было, кроме этого робкого поцелуя…

– Не бойся ничего, – повторил он.

Продолжая размышлять, начал складывать вещи обратно в машину… Если все получится, то их не найдут: пуля, пробив голову того мужчины, ушла в воду, а дно там вязкое, так что ее не найдут, а ведь только по пуле можно определить

ствол… Возможно или даже наверняка сделают слепки отпечатков шин, но по протектору определят только производителя, в худшем случае марку автомобиля. Но таких «паджеро», как у него, в городе множество… Если найдется свидетель, который скажет, что видел на лесной дороге светлый внедорожник, то это не доказательство… А вот если у свидетеля установлен видеорегистратор, то это уже хуже… Это плохо, конечно, но доказать убийство все равно не удастся, потому что нет пули…

Высоков осторожно прикрыл дверь багажного отделения, оглядел небольшую полянку, увидел гильзу, подошел и поднял ее. Обошел автомобиль, наклоняясь к земле, чтобы удостовериться в том, что на хвойной подстилке нет отпечатков. Они были, но незначительные – до первого хорошего ливня.

Сел за руль, пристегнулся ремнем безопасности и посмотрел на девушку:

– Возвращаемся в город. Возможно, ты права: нам не нужны разбирательства.

Когда подъезжали к городу, их нагнал дождь. Сначала редкие крупные капли упали на стекло, а потом небо разверзлось. А после загромыхала первая в этом году майская гроза.

Он привез Настю в свою городскую квартиру, потому что она сказала, что не может сейчас оставаться одна. А он и не хотел, чтобы девушка оставалась одна – он желал только одного, чтобы она всегда была рядом. Настя отказалась от завтрака и от чашки чая… Временами ее начинало трясти, и тогда он достал бутылку коньяка и, налив полстакана, приказал выпить. Девушка не стала спорить. После коньяка она совсем ослабла, и он отвел ее в спальную комнату, положил поверх постели, укрыл пледом. Она не сопротивлялась, лежала тихо, как ребенок, который набегался за весь день и хочет поскорее уснуть. Он наклонился и коснулся губам ее щеки. А потом вышел. Отправился в прихожую, осмотрел свои кроссовки, затем обувь Насти, особенно тщательно подошвы – мой их хоть с мылом, но микрочастицы почвы все равно останутся. Сложил обе пары в пакет и вышел из квартиры.

Кроссовки он выбросил в мусорный контейнер в соседнем дворе. И поехал покупать новые. А еще заехал за продуктами, набил ими два больших пакета, прихватив зачем-то еще по бутылке коньяка и «мартини».

Осторожно вошел в тихую квартиру, на кухне разложил по полочкам холодильника привезенную снедь, бесшумно прошел в спальную. Настя лежала на кровати, но уже не под пледом, а под одеялом, из-под которого высунулось ее голое плечо. Он взглянул на это плечико, беззащитное и такое притягательное, а потом снова очень тихо вышел.

Глава восьмая

Утром он проснулся, не понимая, ночь сейчас или уже день. Шторы в спальне плотно прикрывали окна, в комнате было темно. Владимир Васильевич вспомнил, что было накануне, и зажмурился. Вспомнил не день: то, что произошло ранним утром на лесном озере, осталось далеко – в той прежней жизни, в которой не было Насти и счастья, переполнявшего его сейчас.

Накануне он, оставив ее в спальне, вернулся на кухню и попытался приготовить хоть что-то на обед. Но по своей холостяцкой привычке набрал замороженных полуфабрикатов, начал их размораживать, потом раскладывал по тарелкам нарезки колбасы и сыров… Настя неожиданно и очень тихо подошла сзади, обняла его и прижалась молча. Он боялся обернуться, но она сама отстранилась и спросила:

– Почему меня не позвал? Я бы все приготовила.

Он обернулся и увидел ее в широкой спортивной майке и тонких лосинах, обтягивающих ее стройные ноги.

– Откуда все это? – удивился Высоков.

– Так мы же собирались там в палатке ночевать, вот я и прихватила…

И тут же лицо ее стало печальным: вероятно, она вспомнила все, что произошло на озере. Но все равно она открыла дверцу холодильника и заглянула внутрь:

– Посмотрим, что тут у нас еще есть?

Дальше она готовила уже одна. Владимир Васильевич наблюдал за ее действиями и восхищался, а девушка рассказывала, как она работала в миланском ресторане, где заходила на кухню и внимательно следила за работой поваров, хотя они и сами не скрывали своих секретов, все рассказывали и показывали. Для Высокова она приготовила ризотто и тортеллини[1 - Тортеллини – итальянские пельмени со шпинатом и сыром.]. А на первое – суп минестроне[2 - Суп из свежих овощей, подается в горячем или холодном виде.], но на этом решила не останавливаться и попросила Владимира принести пармезана, оливок и вина, желательно итальянского… Что он и сделал, купив заодно и колбас: пепперонe, салями…

Обед удался на славу. Они не просто наслаждались едой, а вели неторопливую беседу на разные темы, старательно обходя лишь одну… Сидели за столом долго, обед плавно перешел в ужин… Пили вино, а потом еще и танцевали… То, что случилось ночью, произошло не вследствие внезапно вспыхнувшей страсти, но по любви, которая уже давно сжигала и его, и ее…

Он проснулся в своей постели, вспомнил то, что было ночью… Зажмурился, но тут же открыл глаза, чтобы удостовериться, что все, что было между ними, – не сон, а сладостное обещание новой жизни, в которой не будет унылых дней и тягостных ночей, переполненных одиночеством, – теперь будет все иначе. Он повернул голову и не увидел ее. Прислушался, и ему показалось, что слышит голоса, но откуда они доносились – понятно не было: то ли с кухни, то ли из квартиры соседей за стеной. Высоков поднялся, отыскал на полу свои брюки и рубашку… Кто-то разговаривал в его квартире, но он не мог понять, кто именно: понятно, что Настя, но с кем… Он вышел из спальни, прошел по коридору и заглянул на кухню. Девушка сидела за столом и разговаривала с его мамой.

Елена Александровна выглядела совершенно счастливой. Увидев входящего сына, она тут же стала объяснять.

– Решила к тебе без предупреждения нагрянуть, а то ты, как обычно, отговаривать начнешь. Думала, приготовлю что-нибудь, чтобы ты не губил свое здоровье в общепите, а тут у тебя такие разносолы.

– Настя постаралась, – объяснил Высоков.

– Да я уж поняла. Как жаль, что ее к тебе референтом не утвердили! Был бы под надежным наблюдением… Хотя…

Мама улыбнулась со значением и посмотрела на девушку:

– Вы уж, Настенька, постарайтесь, чтобы он питался получше… Чтобы высыпался, а не работал по ночам…

– Как же я это смогу? – смутилась девушка.

Елена Александровна не ответила и посмотрела на сына.

– Сперанский мне звонил, в гости приглашал вместе с тобой к себе в Комарово. Говорил, приезжайте, мол, на шашлыки в субботу, а вчера с утра такой ливень, такая гроза! Какие тут шашлыки! Он сам и позвонил, дескать, чего уж ехать – давайте в воскресенье – вроде солнце обещали… – мама посмотрела за окно, – солнце и есть: не обманули. Мне позвонить Николаю Степановичу, узнать, ехать ли?

– Не надо звонить – мы здесь отдохнем.

– Езжайте обязательно, – посоветовала Настя, – ведь Сперанский – начальник, мало ли что! А вдруг обидится? А я здесь порядок наведу: тут давно уже никто не делал большую уборку.

– Какая ты умная, Настенька! – обрадовалась Елена Александровна. – И в самом деле. Только нечего тебе вкалывать в выходной день. Поедем-ка в Комарово втроем.

Но этому воспротивился Высоков: уж он-то знал, зачем его приглашал на свою дачу председатель городского суда. Там будет его племянница со своей дочкой, которую станут сватать Владимиру Васильевичу. Мама этого, конечно, не знала и, подумав немного, согласилась. Она набрала номер Сперанского, и тот подтвердил, что мясо уже маринуется, а вино будет грузинское. Все равно Высокову не хотелось оставлять Настю даже на непродолжительное время. Смотрел на нее, и она улыбалась ему.

– Езжайте, Владимир Васильевич, а я вас дождусь – обещаю.

Снова обратилась к нему на «вы», демонстрируя свое воспитание, а может, просто для того, чтобы понравиться Елене Александровне.

Ехать пришлось на мамином «опеле корса», в который с трудом влез Высоков. Мама молчала, чтобы не отвлекать его от дороги, Владимир Васильевич перебрал в памяти события вчерашнего утра. Только сейчас он подумал о том, что убитый человек, возможно, был не один: кто же приезжает на рыбалку в пустынное место без приятелей? Да и машины, на которой он прибыл, ни Высоков, ни Настя не заметили. Может, где-нибудь неподалеку скрытно стояла машина, палатка или шалаш. И там же были спутники несчастного мужчины. Владимир Васильевич не видел его лица, разглядел лишь, что тот был седым, гладко выбритым и виски его были обработаны не в домашних условиях, а скорее всего, в парикмахерском салоне. Следовательно, это не местный деревенский житель с вечной щетиной на щеках, а горожанин, который следит за своей внешностью. А если убитый был не один, а вместе хотя бы с одним своим приятелем, который мог видеть «паджеро», запомнить номер? В таком случае придется доказывать свою невиновность – не сваливать же все на девушку, тем более он сам несет ответственность наравне с ней, потому что пуля была выпущена из его пистолета… Будут проведены необходимые следственные действия… И хотя утренний ливень с грозой наверняка смыл все следы, все равно образцы почвы остались на колесах, а следовательно, надо поменять резину, а от старых колес, которые на самом деле не такие уж и старые, срочно избавиться. И еще: сразу по возвращении домой надо вычистить пистолет, маслом протереть внутреннюю часть ствола… У него наверняка будут проверять одежду, руки на предмет присутствия микрочастиц порохового заряда, но, скорее всего, анализ подтвердит, что он не стрелял в тот день. А для надежности сходить в тир на сдачу стрелкового норматива… И ни в коем случае не говорить никому, что он ездил куда-то вместе с Настей… Именно вместе с Настей. А то могут проверить и ее. Да еще пуля… вернее, недостача одного патрона… Но это не прямое доказательство… Так что не следует принимать это в расчет… Но патрон надо на всякий случай возместить, попросить о содействии бывшего председателя студенческого совета…

За спиной раздался голос Елены Александровны, разговаривающей по телефону:

– Коля мы уже въехали в Комарово, а я забыла, где надо сворачивать к тебе.

– Я помню, – успокоил ее Владимир.

Николай Степанович встретил их у раздвинутых ворот, за которыми росли сосны и стоял старый еще финской постройки дом с большой верандой. Во дворе дымил мангал, возле него стояли две женщины, одна средних лет, а вторая молодая – очевидно, внучатая племянница Сперанского. Она была высока ростом, о чем Николай Степанович не предупреждал, но для Владимира это было не так важно – он все равно был почти на голову выше этой девушки…

Стол был уже накрыт, шашлыки поспели через несколько минут. Хозяин вынес из дома бутылку вина и, направляясь к столу, подтолкнул гостя:

– Подсаживайся к моей внучке, – шепнул он, – поухаживай за ней. Срастется – не срастется у вас, но тебя такое ухаживание ни к чему не обязывает. А у нее никого – не всякий решится заводить роман с серьезной девочкой, у которой еще и рост метр восемьдесят два. Может, некоторые ухажеры и готовы, но боятся ее отца. Генерал полиции, заместитель начальника ГУВД Корнеев. Слыхал про такого? Так что приглядись к девочке.

Владимир Васильевич сидел рядом с Викой и даже разговаривал с ней на какие-то интересующие ее темы, но думал не о ней – не о своей соседке по столу, а об оставшейся в его квартире Насте. Елена Александровна часто поглядывала на них, словно сравнивала эту девушку с той, с которой сегодня утром познакомилась в своей городской квартире.

В гостях пробыли не более двух часов, пообедали только и поговорили. Но Сперанский остался доволен. Он тоже наблюдал за своей молодой родственницей.

– Ну как тебе Виктория? – спросила Елена Александровна, когда они возвращались, – вполне симпатичная, скромненькая. Настя, конечно, эффектнее, раскованнее немного и очень рассудительная. Тебе выбирать, конечно, но если для карьеры, то…

– А чем моей карьере может помочь генерал полиции? – удивился Высоков. – У них своя епархия, у нас своя.

– Смотри сам, – не стала спорить мама, – тебе с женой жить, но Вика пристроена в солидном банке, где ее ждет своя карьера. Не скажу, что это хорошо для семейной жизни, но о детях она пока не думает, как мне показалось. А Настя…

– Ты и об этом с ней говорила? – удивился Владимир Васильевич.

– А как же? Для меня это очень важно. Я говорила об этом не напрямую, разумеется, а намеками. Я живу одна в большом доме, ты знаешь. Мне надоела тишина: я даже радио включаю на целый день, чтобы не так скучно было. Но сейчас разве радио – музыку одну передают. А вот раньше транслировали радиоспектакли и развлекательные юмористические передачи, аналитические программы… Если у вас с Настей будут дети, то я буду настаивать, чтобы вы перебрались ко мне. За городом детям только лучше будет. А если ты женишься на Виктории, то я стану всего-навсего приходящей бабушкой – наверняка у них своя дача…

И тут Высоков понял, что мама уже сделала свой выбор, который совпал с его собственным…

Они доехали до их загородного дома, но внутрь заходить Владимир Васильевич не стал. Вызвал такси и, ожидая машину, стоял возле крыльца, поглядывая на знакомые с детства яблони и сосны. С близкого пляжа ветер доносил смех отдыхающих людей и запах выброшенных на берег водорослей и тины.

Глава девятая

Дом в Сестрорецке на второй от берега залива линии семье Высоковых достался неожиданно. Не случайно конечно. Просто они все даже не предполагали, что у Василия Николаевича есть дальняя родственница, которая была замужем за известным ученым, ему и принадлежал этот дом. Ученый давно умер, даже имя его научная общественность давно забыла, потому что он продвигал вперед марксистско-ленинскую науку, являясь специалистом по сталинской диалектике, доказывая вместе с вождем, что всеобщих законов не три, а всего два. Женился ученый поздно на своей аспирантке, впоследствии оказавшейся троюродной теткой матери Василия Николаевича, да и то не по крови, а по каким-то запутанным схемам. После смерти столпа обществоведения она долгое время

жила одна, не давая о себе знать никому из родственников. Хотя таковых у нее совсем оказалось немного – одна лишь семья Высоковых, и потому она отписала свой дом Василию Николаевичу – заместителю председателя городского суда. Дом был старый, с башенкой, внутри на стенах висели картины классиков социалистического реализма: «Сталин с матерью осматривает чайные плантации в Гори», «Демонстрация студентов, радостно приветствующих выход в свет статьи И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», «Ленин на лодке переправляется через озеро Разлив» и другие шедевры.

Мебель в доме была из мореного дуба, даже шкафы в библиотеке были дубовыми, за стеклянными дверцами выстроились ряды книг с золочеными корешками. Диваны и кресла старые, с кожаной обивкой, укрытой белыми полотняными чехлами. Все было здорово, кроме одного: отца убили через месяц после того, как семья Высоковых получила этот дом.

Озеро Разлив находилось неподалеку. Володя, прихватив удочки, мотался туда на велосипеде и возвращался всегда с добычей: окуни, плотва, подлещики… Все хорошо, но было бы еще лучше, будь рядом отец.

Двадцать пять лет назад в теплый майский день в школе был праздник последнего звонка. Сначала линейка, а потом концерт школьной самодеятельности. Володя спешил домой, чтобы показать подаренную ему за успеваемость книгу: «Белый Бим Черное ухо». У подъезда стояли милицейские машины, на площадке курили незнакомые люди в форме и без. Его не хотели пускать домой, и Володя заплакал, предчувствуя что-то ужасное. Он зашел, увидел маму, возле которой стояли врачи. Елена Александровна была неподвижной, она посмотрела на сына отсутствующим взглядом и не узнала его. Очень скоро появился Олег Ильич Колодин и увез Володю к себе. Там он сообщил ему, что папы больше нет.

Следствие было долгим, но не дало никаких результатов: убийц не нашли. По официальной версии в обеденный перерыв Василий Николаевич выехал из городского суда – еще из старого здания на Фонтанке, в котором когда-то размещалось Третье отделение канцелярии его императорского величества. Он приехал в свой дом на Наличной улице, вошел в квартиру, очевидно, за документами, которые хранил в домашнем сейфе… А следом в квартиру проникли убийцы. Они напали на него, но Василий Николаевич успел достать пистолет, произошла схватка… Убийцы пытались отобрать у него пистолет, но Высоков был очень рослым и сильным… Прозвучал первый выстрел – пуля

попала в стену, но потом бандитам удалось повалить его на пол и выстрелить в голову судьи из его же пистолета. Оперативно-следственная бригада нашла в кабинете хозяина квартиры открытый сейф, разбросанные по полу документы, след от пули на стене и саму сплющенную пулю, отрикошетившую в книжный шкаф. На голове убитого была обнаружена ссадина, нанесенная тяжелым предметом, полученная, очевидно, во время борьбы с нападавшими… Убийство связали с профессиональной деятельностью Высокова – он вел только самые сложные дела, но выяснить, какое из них стало причиной убийства, не удалось…

После похорон Елена Александровна с сыном перебралась на дачу, в квартире был сделан ремонт. Боль утраты постепенно притуплялась, но возвращаться в старую школу Володя отказался… На самом деле он не хотел жить в квартире, в которой убили его отца. Но мама все же настояла. И тогда же Володя твердо решил, что обязательно станет судьей. Засел за учебники, зачитывался научной юридической литературой, старался… Окончил школу с золотой медалью, а потом с красным дипломом университет…

Пенсия за отца была приличной, неплохо зарабатывала мама, но все равно Елена Александровна продала пятнадцать соток – ровно половину участка – за огромную сумму, которую положила в банк и теперь жила на проценты с капитала.

Высоков-младший, естественно, обследовал не только книжные шкафы, но и огромный письменный стол ученого-обществоведа, где все было аккуратно уложено. Нашел в ящиках стола пару подготовленных рукописей, которые по известным причинам нельзя было издать ни в сталинские, ни в последующие за ними времена. Одна книга называлась «Нулевой элемент». Высоков прочитал эту рукопись много раз. В ней говорилось о гениальности Менделеева, который создал совсем другую периодическую таблицу, а не ту, что нам подсовывает академическая наука. У Менделеева перед водородом стоит нулевая группа с элементами, у которых удельный вес меньше веса атома водорода, а возглавляет эту группу нулевой элемент – «мировой эфир», который сам Дмитрий Иванович назвал «ньютонием»…

Высоков перечитывал рукопись и удивился, как апологет марксистско-ленинской философии мог решиться на такую ересь. А потом понял, что неизвестный ему далекий родственник двигал официальную науку для того только, чтобы можно было прокормить семью и заниматься тем, что он считал истиной. Владимир Васильевич среди книг на полках обнаружил старый журнал «Вопросы

философии» с той статьей о двух законах диалектики, на последней странице статьи выцветшими фиолетовыми чернилами, скорее всего, рукой самого автора было аккуратно написано:

«Ха-ха! Закон диалектики всего один – Бог! А частный случай из него – закон Ломоносова – Лавуазье. Хотя Лавуазье просто примазался. Проклятый компиляторщик!»

Высоков возвращался из Сестрорецка на такси и думал почему-то только об этом. Не о Насте, которая воспринималась теперь как данность, как то, что подарено судьбой на века. Плохо, конечно, что подарок был связан с неприятностью – даже с преступлением. Но как говорил все тот же Ломоносов, «если в одном месте убудет, то в другом прибудет столько же».

У бывшего хозяина дома была и другая статья: «О множестве пространств», в которой утверждалось, что мы живем в пространстве многих миров, существующих параллельно, – миров возможности событий, происходящих в силу одних и тех же причин, но развивающихся по-разному, потому только, что время и пространство материальны и бесконечны, в отличие от материи известной нам конечной Вселенной.

Он вошел в сверкающую чистотой квартиру. Насти не было. На кухонном столе лежала оставленная ею записка:

Я должна все обдумать. Если позовешь, вернусь сразу же. Навеки твоя.

Владимир Васильевич взял телефон и набрал ее номер. Но аппарат Насти был не в сети.

И тогда он отправил СМС-сообщение.

Возвращайся скорее, а то время разнесет нас по разным пространствам. Люблю.

Она позвонила в дверь ровно через полтора часа. Приехала с чемоданом, в котором были ее вещи.

Ночью опять была гроза, ливень бил в стекла окна спальни, но они не обращали никакого внимания на бурю, потому что бушевавшее в них пространство, переполненное светом и любовью, было куда мощнее.

Глава десятая

Утром Владимир Васильевич поднялся пораньше, не стал дожидаться, когда Настя приготовит завтрак, выпил чашку кофе с бутербродом, спустился во двор, сел в «паджеро» и поехал на станцию автосервиса. Там он попросил поменять комплект резины, чем вызвал недоумение у работника шиномонтажа.

– У вас практически новые «гуди ир». Зачем менять на что-то иное? Новых колес у нас нет, только бэушные. Все, конечно, в хорошем состоянии, но они простенькие совсем – корейские.

– Очень деньги нужны, – признался Высоков, – если заплатите тыщонку-другую, буду весьма благодарен.

После чего поехал на работу на общественном транспорте. И опоздал на полчаса. Зато в вагоне метро, когда поезд подходил к «Парку Победы», Владимир Васильевич направился к дверям и вдруг увидел судью Кочергину, которая с удивлением рассматривала его.

– А почему вы, Владимир Васильевич, не на персональном автомобиле? – спросила она.

– Хотел на своем личном сегодня, но он неисправен, как выяснилось, а водителя решил не вызывать… Пока он доберется, пока доедем с ним до суда: посчитал, что на метро быстрее.

– И просчитались, – обрадовалась Кочергина.

Вдвоем, не говоря друг другу ни слова, они поднялись на эскалаторе, вышли на Московский проспект, и только потом коллега спросила:

– Дело хорошо изучили?

– От корки до корки. Понимаю вашу принципиальность, но не принимаю вынесенное решение. Речь ведь не о сроке заключения шла, а только о мере пресечения. Хорошо разве, чтобы известный преступник остался под домашним арестом, когда лучше было отправить его в родной для него дом – в следственный изолятор?

– Вы правильно сказали «в родной ему дом». Если бы не двести десятая статья, которую ему, простите за выражение, шьет прокуратура, я бы так и сделала. Но прокурор Марьянов утверждал на заседании суда, что гражданин Качанов возглавляет преступное сообщество, однако убедительных доказательств того не предоставил: не смог назвать преступления, совершенные членами этого сообщества. Кроме того, не предоставил список членов этого сообщества. Те же, кто выступал в суде, кого обвинение назвало членами банды, наотрез отказались называться преступниками. Все заявили, что официально трудоустроены: кто в автосервисе, кто по снабжению, кто таксистом… Представили справки с работы. Только один из них имел условный срок за нанесение особо тяжких при смягчающих обстоятельствах.

– Некий Трухин, – вспомнил Высоков, – во время заседания представитель обвинения назвал его личным телохранителем Каро Седого и его правой рукой[3 - Екатерина Островская, «Любовь во время пандемии».].

– Ну и что? Я должна была только из этого его утверждения выносить решение, которое тут же обжалуют адвокаты Качанова?

– А кто его защищает?

– Берман и Пашинян. А сейчас к ним, как мне сообщили, присоединился и адвокат Словоерсов, который не только ваш бывший сокурсник, но и хороший приятель. Как он говорит всем и каждому.

– Это правда, – признал Высоков, – но только наполовину. Словоерсов действительно мой сокурсник, но никогда не был приятелем, тем более хорошим. А кто вам сообщил это?

– Прокурор Марьянов.

– А-а, тогда понятно. Он и со мной пытался связаться по телефону, но я не стал слушать. Мне он успел сказать только, что хочет меня предупредить…

– О чем?

– Я не стал уточнять и оборвал разговор.

– Может быть, правильно поступили. Марьянов и на заседании вел себя не совсем адекватно. Чуть ли не кричал, что для Качанова и пожизненного срока мало, потому что широко известный в криминальных кругах Каро Седой – хладнокровный убийца, на руках которого кровь десятков жертв, он убивал лично и приказывал другим убивать.

– Без доказательств это только эмоции.

Они шли по Бассейной улице, беседовали, а Высоков все это время пытался вспомнить, как зовут его собеседницу. Только когда подошли ко входу в здание городского суда, вспомнил.

– Валентина Ивановна, а почему вы затеяли весь этот разговор?

– Я? – с притворным удивлением переспросила Кочергина, словно вспоминала самое начало их беседы, – просто у вас такое счастливое лицо… Вы светитесь весь.

Высоков обедал в общем зале столовой, когда к нему подсел Николай Степанович.

– Что не заходишь ко мне? – поинтересовался он.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Тортеллини – итальянские пельмени со шпинатом и сыром.

2

Суп из свежих овощей, подается в горячем или холодном виде.

3

Екатерина Островская, «Любовь во время пандемии».

Купить: https://tellnovel.com/ru/ekaterina-ostrovskaya/otkroy-glaza-femida

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить